

Этим птицам не будет конца —
продолжается время отлёта.
В запрокинутой дольке лица
отражается позолота.

Потолкуй надо мною, скворец,
подосадуй со мною, синица...
День высокий, всевышний Творец,
дай мне их языку научиться!

Чтоб над старою крышей причала
покружить у знакомой реки,
чтобы дети со мной не скучали,
чтоб кормили с руки старики,

чтобы так же дрожать в непогоду,
в окна биться, бояться огня...
и за глупую эту свободу
всё, что хочешь, возьми у меня.

Но суров распорядок земной —
принимая иные обличья,
мне не влиться в их трепетный строй,
задыхаясь от косноязычья.

Окликаая, звенят голоса —
знать, корят, что от стаи отбилась...
Как вам там без меня, небеса?
Чем я здесь оправдаю бескрылость?

ЗЕМЛЯ МОЯ

Земля моя, тепло моё, сестрица!
Там добрый свет горит в любом доме.
Я всё равно приду к тебе склониться.
Я возвращусь к истоку своему.

Там хороши рябиновые гроздья.
Там плачут и смеются от души.
Там в щели крыш просвечивают звёзды
И листопад под окнами шуршит.

Там пела песни и беду сносила,
Не жалуясь на трудное житьё,
Прабабушка моя Анастасия.
Я, говорят, похожа на неё.

И где бы побывать мне ни случится,
Услышу через дальние поля
Родимое и нежное — земляца.
Суровое и доброе — земля!

* * *

Холодный март. Скворец-дружок.
Наш дом у молокозавода.
Мелькает красный сапожок.
Молчит безгрешная природа.

Молчит она. И всё в порядке.
Гуляет ветер ледяной.
Блестит вода в огромной кадке
дрожащей плёнкой слюдяной.

Проснёшься утром рано-рано:
ещё луна в окно глядит,
и гулко капает из крана,
и что-то сердце холодит.

Но что же? Что?!
Ведь всё в порядке.
А что ж так больно? Отчего?
Блестит вода в огромной кадке.
Дрожит. И нету никого.

* * *

Весенних улиц тишина,
и ночью чёрной
крестом уснувшего окна
ты перечёркнут.

А скоро новая трава
зазеленеет.
Опять зашепчется листва
ещё хмельнее.

И принесёт холодный дождь
весны звучанье.
Мой взгляд вдогонку ты поймёшь,
как крик прощанья.

* * *

Суровое небо качнуло навес
и гулом раската дохнуло.
Ему отозвался разбуженный лес.
И сердце тревогой стянуло!

Гроза разразилась.
Дыша тяжело,
верхушки деревьев косила.
А всё же она — не великое зло,
не самая страшная сила.

И кто-то высоко, над небом ночным
шептал мне под вспышки зарницы:
«Люби эту землю всем сердцем своим,
и с ней ничего не случится!»